

Российская академия наук
Институт славяноведения и балканистики

Русистика. Славистика. Индоевропеистика

*Сборник к 60-летию
Андрея Анатольевича Зализняка*

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 1996

А. А. Гуппиус

«НУГОРОДЦЫ»
(Об одной орфографической аномалии
в старовеликорусских текстах)

Элементарной процедурой, лежащей в основе лингвистической интерпретации письменного текста, всегда является отнесение конкретного написания к определенной категории. Оно обязательно предполагает момент абстрагирования от индивидуальных характеристик данного написания, признаваемых в рассматриваемом отношении несущественными, и включение его в ряд аналогичных фактов, за которыми признается общее лингвистическое содержание.

Эта операция, в результате которой единичный факт превращается в пример, требует, если так можно выразиться, презумпции индивидуальности конкретного написания. Прежде чем трактовать то или иное написание как представляющее некоторое общее явление, необходимо убедиться в отсутствии у него более специальной подоплеки. Результат применения этого принципа к спискам примеров, которыми традиционно оперирует историческая грамматика русского языка, бывает как негативным, так и положительным. В первом случае мы просто отказываемся признать за примером то лингвистическое значение, которое ему приписывалось, и сбрасываем его со счетов как непоказательный. Во втором случае, представляющем, естественно, особый интерес, лингвистическое содержание примера, оказывается, напротив, большим, чем казалось ранее. То, в чем виделось лишь одно из многих проявлений хорошо известного феномена, приобретает самостоятельное значение, возвращая таким образом свою индивидуальную специфику¹. Рассматриваемый ниже случай — из этой категории.

Древнерусские и старовеликорусские тексты демонстрируют замечательное разнообразие в орфографическом оформлении двух дериватов названия Новгорода — существительного «новгородец» и прилагательного «новгородский». Речь пойдет не о вариантах записи аффиксальных частей двух лексем (они для каждой из них — свои и не представляют ничего особенного по сравнению с другими аналогичными формами), но об орфографических явлениях на стыке корней, составляющих общую для двух дериватов основу. В памятниках XI–XVII вв. разной региональной и жанровой принадлежности первая часть этой основы может записываться по крайней мере семью способами: 1) *новъ-*, 2) *нов-*, 3) *ново-*, 4) *но(о)у-*, 5) *нову-*, 6) *нау-*, 7) *нав-*.

Первые два варианта отражают соответственно вид основы до и после падения редуцированных. Основа *новъгород-* представлена в первую очередь в древнейших текстах; ее находим, в частности, в записи Мстиславова Евангелия (*новъгородьскомоу*), берестяных грамотах № 246 (*новъгороджанина*) и № 562 (*новъгородьске*) второй половины XI в., в надписях на печатях XI–XII вв. В Синодальном списке Новгородской I летописи написания с *ъ* (те, в которых *ъ* не приходится на конец строки, где он появляется автоматически) встречаются лишь в той части рукописи, которая охватывает изложение событий XI–начала XIII в. (последний пример — *новъгородьскими* — под 1210 г.). В памятниках XIII–XIV вв. полностью господствует уже основа *новгород-*. Таким образом, смена варианта с *ъ* на вариант без *ъ* закономерно происходит в рамках смены раннедревнерусской орфографии позднерусской, хотя древняя форма спорадически появляется в текстах вплоть до XVI в.

Вариант с соединительным *о* появляется относительно поздно, не ранее XIV в. Из ранних примеров можно указать *новгородьскими*, *новгородець* из Устава Святослава Ольговича 1137 г. в списке второй половины XIV в. (ГИМ, Син. 132, л. 630). В новгородских памятниках он выступает довольно редко, на фоне господства написаний без соединительного гласного. Не приходится сомневаться в том, что живой русской речи XIV и последующих веков это образование свойственно не было, будучи распространено лишь в письменном языке, в котором оно на правах варианта дожило до начала XIX в. (см., например, в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина).

А. А. Гиппиус

«НОУГОРОДЦЫ»

(Об одной орфографической аномалии
в старовеликорусских текстах)

Элементарной процедурой, лежащей в основе лингвистической интерпретации письменного текста, всегда является отнесение конкретного написания к определенной категории. Оно обязательно предполагает момент абстрагирования от индивидуальных характеристик данного написания, признаваемых в рассматриваемом отношении несущественными, и включение его в ряд аналогичных фактов, за которыми признается общее лингвистическое содержание.

Эта операция, в результате которой единичный факт превращается в пример, требует, если так можно выразиться, презумпции индивидуальности конкретного написания. Прежде чем трактовать то или иное написание как представляющее некоторое общее явление, необходимо убедиться в отсутствии у него более специальной подоплеки. Результат применения этого принципа к спискам примеров, которыми традиционно оперирует историческая грамматика русского языка, бывает как негативным, так и положительным. В первом случае мы просто отказываемся признать за примером то лингвистическое значение, которое ему приписывалось, и сбрасываем его со счетов как непоказательный. Во втором случае, представляющем, естественно, особый интерес, лингвистическое содержание примера, оказывается, напротив, большим, чем казалось ранее. То, в чем виделось лишь одно из многих проявлений хорошо известного феномена, приобретает самостоятельное значение, возвращая таким образом свою индивидуальную специфику¹. Рассматриваемый ниже случай — из этой категории.

Древнерусские и старовеликорусские тексты демонстрируют замечательное разнообразие в орфографическом оформлении двух дериватов названия Новгорода — существительного «новгородец» и прилагательного «новгородский». Речь пойдет не о вариантах записи аффиксальных частей двух лексем (они для каждой из них — свои и не представляют ничего особенного по сравнению с другими аналогичными формами), но об орфографических явлениях на стыке корней, составляющих общую для двух дериватов основу. В памятниках XI—XVII вв. разной региональной и жанровой принадлежности первая часть этой основы может записываться по крайней мере семью способами: 1) *новъ-*, 2) *нов-*, 3) *ново-*, 4) *но(о)у-*, 5) *нову-*, 6) *нау-*, 7) *нав-*.

Первые два варианта отражают соответственно вид основы до и после падения редуцированных. Основа *новъгород-* представлена в первую очередь в древнейших текстах; ее находим, в частности, в записи Мстислава Евангелия (*новъгородьскомоу*), берестяных грамотах № 246 (*новъгороджанина*) и № 562 (*новъгородьске*) второй половины XI в., в надписях на печатях XI—XII вв. В Синодальном списке Новгородской I летописи написания с *ъ* (те, в которых *ъ* не приходится на конец строки, где он появляется автоматически) встречаются лишь в той части рукописи, которая охватывает изложение событий XI—начала XIII в. (последний пример — *новъгородьскыи* — под 1210 г.). В памятниках XIII—XIV вв. полностью господствует уже основа *новгород-*. Таким образом, смена варианта с *ъ* на вариант без *ъ* закономерно происходит в рамках смены раннедревнерусской орфографии позднедревнерусской, хотя древняя форма sporadически появляется в текстах вплоть до XVI в.

Вариант с соединительным *о* появляется относительно поздно, не ранее XIV в. Из ранних примеров можно указать *новгородьскыи*, *новгородецъ* из Устава Святослава Ольговича 1137 г. в списке второй половины XIV в. (ГИМ, Син. 132, л. 630). В новгородских памятниках он выступает довольно редко, на фоне господства написаний без соединительного гласного. Не приходится сомневаться в том, что живой русской речи XIV и последующих веков это образование свойственно не было, будучи распространено лишь в письменном языке, в котором оно на правах варианта дожило до начала XIX в. (см., например, в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина).

Те же варианты — с *ъ*, без *ъ* и с соединительным *о* — выступают и в дериватах названия *Бѣльгородъ*, построенного по той же модели, что и *Новѣгородъ*. Они являются, таким образом, общими для производных от топонимов данной структуры. Совершенно иначе обстоит дело с тремя другими вариантами, которые носят ярко выраженный индивидуальный характер. «Базовым» в этой тройке является, безусловно, вариант, вынесенный в название статьи, к которому мы теперь и обратимся.

Древнейший пример рассматриваемого явления находится в Новгородской Кормчей 1282 г. и хорошо известен исследователям. Он выступает в названии «Вопрошания Кирика»: *се ксть въпрашаник Кюриково кже въпраша кнѣпа новгородско* (так!) *Нифонта и инѣхъ* (л. 518). На первый взгляд, в написании *новгородско* представлена обычная замена *в* на *у*, отражающая билабиальное произношение /w/. Именно так интерпретировал данный пример А. А. Шахматов (1915, с. 291), рассматривая его в ряду других аналогичных случаев, фиксируемых в Кормчей 1282 г.: *оуторникъ, оу Вели, оу Тошмѣ, оу Вѣкшензѣ*². В том же ряду рассматривает данное написание и Ф. П. Филин (1972, с. 292), опираясь на материал А. А. Шахматова. Вопрос о том, в какой мере было свойственно древненовгородскому диалекту билабиальное [w], решался в литературе по-разному, однако сам факт присутствия этого явления по крайней мере в части древненовгородских говоров ни у кого не вызывает сомнений. Помимо давно известных, хотя и довольно скудных показаний книжных источников, он подтверждается теперь и данными берестяных грамот (древнейший на сегодняшний день пример — *оу монастыри* — № 715). Таким образом, ничто не мешает считать, что за написанием *новгородско* действительно стоит произношение с билабиальным [w].

Такая интерпретация была бы вполне достаточна, если бы не следующее обстоятельство: в памятниках XVI–XVII вв. написания слов «новгородский» и «новгородец» с *у* вместо *в* (будем называть их «*ноу*-формами») встречаются часто, причем на фоне полного отсутствия случаев смещения *в* с *у* в других позициях.

В лингвистической литературе, насколько мне известно, это явление было отмечено лишь однажды. Х. Сундберг, в комментарии к изданию новгородских кабальных книг 1614–1616 гг. из Оккупационного архива Стокгольма, фиксирует написания *ноугородецъ, ноугородка, ноугородскои* и т. д., выступающие в тексте как нормативные (30 *ноу*-форм при только четырех написаниях с *в*). Швед-

ская исследовательница видит в этом специфическую особенность языка новгородской канцелярии, по своему происхождению — реликт древнерусской орфографии, отражающей, в ее новгородском варианте, билабиальное [w]. В подтверждение этого тезиса Х. Сундберг ссылается на пример из Кормчей 1282 г. (Сундберг, 1982, р. 125–126).

Предложенное объяснение *ноу*-форм в языке новгородских кабальных книг наталкивается на следующее препятствие: за пределами Кормчей 1282 г. эти формы в новгородской письменности эпохи независимости вообще отсутствуют, при том что интересующие нас лексемы представлены сотнями употреблений. Мы не находим их ни в оригиналах новгородских актов XIII–XV вв., ни в сфрагистических материалах, ни в Синодальном списке Новгородской I летописи. Отсутствуют они и в других категориях новгородских источников XI–XV вв. (берестяные грамоты, граффити, приписки книжных писцов и т. д.). Таким образом, язык новгородской канцелярии начала XVII в. не обнаруживает в данном случае преемственности по отношению к местной письменной традиции.

С другой стороны, нет и оснований предполагать такую преемственность. Как известно, язык провинциальных учреждений XVI–XVII вв. был в целом ориентирован не на локальные письменные традиции, но на язык московских приказов. Хотя диалектные черты и находят отражение в продукции местных канцелярий, нормативные языковые характеристики создававшихся в них документов в подавляющем большинстве своем обнаруживают столичное происхождение, восходя в конечном счете к узусу, сложившемуся в среде московских дьяков и подьячих.

Не является исключением и наш случай. Обращение к московской деловой письменности XVI–XVII вв. обнаруживает, что *ноу*-формы присутствуют в ней в изобилии. Они выявляются практически в любой подборке документов этого времени, так или иначе упоминающих Новгород. Из памятников XVII в., в которых *ноу*-формы употребляются систематически, можно назвать списки Разрядных книг 1475–1598 гг. (Разр., см. особенно с. 17–48), сметные списки новгородских доходов (Смет.), списки новгородских писцовых книг (Писц., сотни примеров), московские грамоты в Новгород 1612–1614 гг. из Стокгольмского архива (ДАИ, т. 1, № 164, 166, т. 2, № 14, 15, 20, 21, 32), царскую грамоту 1617 г. на Двину (АИ, т. 3, № 74) и др. Из памятников XVI в. рассматриваемые написания находим в сборнике копий с москов-

ских грамот в Новгород (ДАИ, т. 1, № 61, 64, 65, 70, 72, 75, 89, 92), сборниках митрополичьих и великокняжеских грамот ГИМ, Увар. 512 и ГИМ, Син. 562 (Павлов, с. 389, 726, ГВНП, № 19), описи царского архива 1575–1584 гг. (ААЭ, № 289) и многих других документах. О степени официальности *ноу*-форм свидетельствует употребление их в царском титуле: «*всєа Русіи самодержецъ Владимирскіи, Московскіи, Ноугородскіи...*» (ААЭ, № 353, отчинная грамота Соловецкому монастырю 1591 г. в современном списке). Из множества других употреблений выделим подпись «царева и великого князя дьяка» Истомы Ноугородова, написавшего жалованную грамоту канинским и тиунским самоедам 1545 г. (ААЭ, № 204) и ряд других грамот.

Широко представлены *ноу*-формы и в летописных памятниках московского происхождения, в частности — в списках Никоновской (Ник.), Воскресенской (Воск.) и других летописей. Из опубликованных летописей выделяется в этом отношении Кирилло-Белозерский список Вологодско-Пермской летописи (Вол., XVI в.), в котором *ноу*-формы проведены с особой последовательностью.

Как и в многих других случаях, московская приказная норма не была в данном отношении унифицирована, допуская наряду с *ноу*-формами и все остальные варианты из приведенного выше набора. Эта вариативность наблюдается уже в наиболее ранних московских документах, употребляющих *ноу*-формы. Ими являются великокняжеские докончания 80-х гг. XV в. В качестве иллюстрации приведем полностью материал докончания 1481 г. между великим князем Иваном Васильевичем и его братом — князем Углицким Андреем Васильевичем (ДДГ, № 72). Договор сохранился в трех экземплярах — черновом (I) и двух белых (II, III). Каждый экземпляр состоит из грамоты Ивана Васильевича (а) и грамоты Андрея Васильевича (б). Во всех шести текстах дважды упоминаются недавно приобретенные московским правителем «новгородские места». Распределение написаний по спискам таково:

Ia	<i>ноу</i>	<i>ноу</i>
Iб	<i>ново</i>	<i>ново</i>
IIa	<i>новъ</i>	<i>ново</i>
IIб	<i>ноу</i>	<i>ноу</i>
IIIa	<i>нов</i>	<i>нов</i>
IIIб	<i>ново</i>	<i>ново</i>

Общее соотношение вариантов: 5 *ново*-, 4 *ноу*-, 2 *нов*-, 1 *нову*-. Сходную вариативность (с меняющимся составом и соотношением вариантов) находим в договоре того же 1481 г. с князем Волоцким Борисом Васильевичем (№ 73: 4 *ноу*-, 2 *ново*-) и докончании 1486 г. с Андреем Васильевичем (№ 81: 2 *новъ*-, 1 *ноу*-, 1 *ново*-). Особо выделим разводную грамоту 1483 г. (№ 77), в которой двенадцать раз употреблен вариант *нову*-, довольно редкий в других документах тех же лет.

К чуть более раннему времени относится еще один памятник, в котором встречаем систематическое употребление *ноу*-форм. Это сборник новгородских и двинских грамот ГПБ Q.IV.14, датируемый Л. В. Черепниным 1471–1476 гг. и имеющий безусловно московское происхождение. *Ноу*-формы находим здесь в списках грамот 1448–1461 гг. (ГВНП, № 21, 1х), 1456 г. (ГВНП, № 22, 19х; № 24, 2х), списке Новгородской судной грамоты (ААЭ, № 92, 6х) и других текстах. О том, что все эти примеры принадлежат перу московского писца, а не восходят к оригиналам грамот, можно судить по наличию их во включенном в сборник подлинном документе 1476 г. — отводном списке Новоторжских земель (ААЭ, № 101, 3х), а также по заглавию, предпосланному составителем сборника новгородскому договору 1470–1471 гг. с королем Казимиром: *списокъ с докончальныє что были написали собѣ ноугородци с королемъ* (ГВНП, № 77). Как и в московских докончаниях, *ноу*-формы варьируются в сборнике с формами на *ново*-, *нов*- и *нову*-.

По предположению Л. В. Черепнина, сборник Публичной библиотеки Q.IV.14 был составлен по инициативе правительства Ивана III «в целях мобилизации актов государственной важности, которые могли бы быть использованы для наступления на новгородские вольности» (Черепнин, 1950, с. 335). Происхождение его, таким образом, есть все основания связывать с той же средой, в которой создавались и докончания 1480-х гг. Таким образом, источник распространения *ноу*-форм в великорусской деловой письменности XVI–XVII вв. может быть назван с полной уверенностью: им были акты, исходившие из московской великокняжеской канцелярии.

«Вспышка» *ноу*-форм в московской письменности 70-х–80-х гг. XV вв. явно неслучайна, но объясняется она чисто историческими причинами — с присоединением Новгорода частота его упоминания в московских документах резко возрастает. В грамотах более раннего времени дериваты названия выступают лишь

трижды (ДДГ, № 20, 1406 г.: *новгородских*; № 59, 1456 г.: *новогородца*; № 63, 1462 г.: *новугородца*); поэтому отсутствие в них *ноу*-форм непоказательно.

И все же древнейший из памятников северо-восточного происхождения, употребляющих *ноу*-формы, был создан не в Москве. Памятник этот в высшей степени хрестоматиен: им является Лаврентьевская летопись 1377 г. *Ноу*-формы выступают на первых сорока листах, написанных безымянным писцом, начавшим работу по переписке летописи и затем передавшим ее Лаврентию. В этой части рукописи (далее — Лавр. I) интересующие нас образования представлены шестью примерами: *ноугородьци* 4об., 7, 21 (2х), *ноугородьстии* 21, 25об. Один раз встретилось написание *новугородьци* (л. 7). Другие варианты отсутствуют.

В качестве возможного места написания Лаврентьевской летописи назывались Суздаль и Нижний Новгород. В любом случае данные рукописи с очевидностью свидетельствуют, что рассматриваемые написание представляют собой явление не чисто московского, но, шире, северо-восточного происхождения.

Но как же быть с древнейшим примером из Новгородской Кормчей? — естественно возникает вопрос. Неужели возможно отказать в автохтонном происхождении написанию прилагательного «новгородский», выступающему в новгородском списке такого классического новгородского текста, как «Вопрошание Кирика»? Вопрос этот вовсе не является риторическим, каким может показаться на первый взгляд. Дело в том, что, согласно текстологической реконструкции Я. Н. Шапова, включение «Вопрошания» в Кормчую произошло не в Новгороде, а в Киеве, на первом этапе создания Русской Кормчей в 1260-х гг. Причем, прежде чем попасть в Новгород, Кормчая русской редакции побывала в Северо-Восточной Руси, где (в Ростове, Владимире или Переславле) подверглась очередной обработке. Таким образом, в составе Кормчей 1282 г. до нас дошел новгородский список новгородского памятника, однако успевшего уже побывать в инодиалектной среде и, надо полагать, испытать на себе ее сильное влияние. Учитывая, с одной стороны, полное отсутствие *ноу*-форм в других древненовгородских памятниках, а с другой — их распространенность в письменности русского Северо-Востока, есть все основания возводить написание *ноугородьско* в Кормчей 1282 г. к владимирскому или ростовскому протографу рукописи. Замечательно, что, помимо «Вопрошания Кирика», то же написание обнаруживается в Кормчей 1282 г. еще и в тексте Постановления Владимирского собора

1271 г. (л. 539), что свидетельствует о нормативности *ноу*-форм в северо-восточном протографе рукописи.

Таким образом, область первоначального распространения *ноу*-форм, какой она вырисовывается на основании рассмотренных данных, практически совпадает с территорией древней Ростово-Суздальской земли. Вывод этот не может не показаться парадоксальным. Действительно, отказав в статусе новгородизма написанию с заменой *в* на *у*, вполне соответствующему предполагаемому для древненовгородского диалекта произношению билабиального [w], мы связали происхождение этого написания с территорией Северо-Восточной Руси, то есть как раз с той диалектной зоной, важнейшей фонетической чертой которой всегда было губно-зубное [v].

Надо сказать, что *ноу*-формы в памятниках московской письменности уже вызвали некоторое недоумение исследователей, пытавшихся объяснить их влиянием со стороны диалектов, знавших билабиальное [w]. Весьма характерен в этом отношении комментарий С. И. Коткова к написанию, встретившемуся в тексте XVII в.: «К сказке обитателей московских слобод сотский Андрюшка Семенов приложил руку вместо сотского «*ноугородцкие сотни*». Возможно, рукоприкладчик был уроженцем степного Юга и сравнительно новым москвичом. Написание *ноугородцкие* в исследованных нами материалах настолько уединенно, что связывать его с московской речью нет никаких оснований» (Котков, 1974, с. 167–168). Зная, сколь широко в действительности было распространение *ноу*-форм в московской письменности, мы не можем довольствоваться таким объяснением: не могла же, в самом деле, московская великокняжеская канцелярия состоять наполовину из «уроженцев степного юга»!

Ключом к объяснению рассматриваемых написаний, не предполагающему их внешнего, заносного происхождения, может послужить следующее обстоятельство. В старейших текстах, последовательно употребляющих *ноу*-формы — Лаврентьевской летописи и сборнике Публичной библиотеки Q.IV.14 — наряду с ними и с той же последовательностью употребляется форма дат. падежа *Ноугороду*, при том что в других падежах выступают исключительно «нормальные» формы *Новъгородъ*, *Новагорода*, *Новъгородъ*, *Новымъ городомъ* и т. д. В Лавр. I данное написание находим на л. 21, 23об., 25, при только одном случае *Новугороду* — л. 17. Из текстов, входящих в сборник ГПБ Q.IV.14, особенно показательны списки грамоты 1456 г. (ГВНП, № 22) и Новгородской

судной грамоты (ААЭ, № 92), в которых написание *Ноугороду* представлено в общей сложности 10 примерами при полном отсутствии «нормальной» записи.

Интерпретация написания *Ноугороду* не составляет трудности: оно отражает выпадение /v/ перед последующим /u/ — явление, широко представленное в русских говорах, в том числе и тех, в которых /v/ последовательно реализуется в виде губно-зубного звука. В этом не оставляют сомнений данные Лавр. I, где данная форма стоит в ряду других аналогичных примеров: *протиоу* 1об., *ожииоуть* 3об., *жиоуще* 4об., 5об., *жиоущемъ* 4об., *нооу* 6, *мараоу* 9, *Пилатооу* 9об. *по оустаоу* 12об. и др. Характерно, однако, что этого выпадения мы совершенно не находим в форме Д. ед. *Кыеву*. Последовательность, с которой писец Лавр. I пишет *Кыеву*, но *Ноуогороду*, весьма показательна. Она явно объясняется морфологической «ослабленностью» первой части названия *Новъгородъ*, которое в рассматриваемую эпоху уже начинает обнаруживать тенденцию к превращению из словосочетания в цельное слово³. На фоне этой тенденции утрата — на поверхностном уровне — членимости компонента *Ноу-* на основу и окончание не представляет «опасности» для нормальной морфологической идентификации словоформы: морфологическая нагрузка лежит целиком на втором компоненте. Между тем словоформа *Кыеу* была бы в этом отношении совершенно нетерпима.

Естественно полагать, что написания *Ноуогороду*, *ноуогородъ-скыи* и *ноугородци* как-то связаны между собой. Об этом с несомненностью свидетельствуют уже упоминавшиеся варианты записи дериватов с начальным компонентом *нову-*: *новугородци*, *новугородъскыи*. Однако каков характер этой связи? Внешнее сходство *ноу-*форм и формы *Ноугороду*, усиливаемое эффектом непосредственного соседства в тексте, успело уже не раз ввести в заблуждение исследователей Лавр., рассматривавших их как отражающие одно и то же явление — «смещение» *в* и *у* (Будде, 1891, с. 40) или опущение *в* перед *у* (Некрасов, 1896, с. 924; Русинов, 1981, с. 21). Неправомерность такой трактовки очевидна: если в Д. ед. форма *Новугороду* является исходной, а написание с начальным *Ноу-* отражает ее фонетическую трансформацию, то написания типа *новугородци* несомненно вторичны, гиперкорректны по природе, отражая восприятие компонента *ноу-* независимо от позиции как варианта *нову-* с пропуском *в*. Исходным же для *ноу-*форм является вариант с начальным *новъ-*, так что ни о каком «пропуске» *в* здесь говорить не приходится.

Таким образом, в случае с написаниями *Ноугороду* и *Ноугородци* мы имеем дело с близкими, но не тождественными явлениями, которые, будучи явно связаны между собой, в то же время несколько разнятся по своей природе и не выводимы друг из друга. Объяснить соотношение этих явлений можно, как кажется, исходя из предположения А. А. Шахматова (1915, с. 292), согласно которому утрата /v/ перед /u/ в говорах, знающих лишь губно-зубное [v], могла быть связана с тем, что в данной позиции билабиальное произношение сонанта могло удерживаться дольше, чем в других. Это предположение исходит из общепринятой в настоящее время трактовки губно-зубного [v] как инновации, распространение которой в говорах русского Северо-Востока должно было проходить путем вытеснения [w], так же, как это в дальнейшем происходило на других территориях (ср.: Образование, с. 41). Ничто не мешает предположить, что в отдельных позициях, там, где для этого имелись благоприятные условия, [w] уже в письменную эпоху мог сохраняться и в диалектах Ростово-Суздальской Руси. Таким условием и было, по Шахматову, положение перед сильно лабиализованным /u/. Однако не было ли подходящих условий для удержания билабиального спиранта и в другом интересующем нас случае?

Задавшись этим вопросом, невозможно пройти мимо двух случаев «обычной» (не в *ноу-*формах) замены *в* на *у* в Лаврентьевской летописи, издавна отмечавшихся исследователями памятника. Это двукратное написание *оуники* на л. 19об. и 20. Отмечая нехарактерность мены *в* и *у* для памятников северо-восточного происхождения, исследователи, как правило, видели в этих написаниях следы южнорусского протографа рукописи (Будде, 1891, с. 40; Филин, 1972, с. 293). Однако, согласно всем текстологическим данным (см., например, Лурье, 1976, с. 58), Лавр. восходит к своему южнорусскому протографу через целый ряд промежуточных летописных сводов конца XII—начала XIV в. владимирского и ростовского происхождения. Сохранение южнорусских фонетических черт в тексте, неоднократно переписанном на территории Северо-Восточной Руси, маловероятно. С другой стороны, сам южнорусский протограф Лавр. мог быть лишь рукописью XII в., а в рукописях этого времени случаи мены *в* и *у* крайне редки. Учитывая все это, а также яркую индивидуальность писца Лавр. I, проявляющуюся именно в употреблении *в* и *у*, едва ли стоит трактовать указанные примеры как случайно занесенные из протографа. Они явно заслуживают более пристального внимания.

Слово *внукъ* в Лавр. I встречается четыре раза в следующих контекстах: *в послѣднии родъ внукъ твои(х)* 17об., *со оунуки своими* 19об., *со оунуки* 20, *снѣ ка* и *внуци ка* 20об. Как видим, имеет место четкое распределение: в сочетании с предлогом слово пишется с начальным *оу*, в отсутствии предлога — с начальным *в*. Наличие предлога кажется существенным здесь не само по себе, а тем, что создает определенную фонетическую позицию — после *ъ*, бывшего в северо-восточной диалектной зоне лабиализованным гласным. Однако в аналогичной позиции — после лабиализованного гласного перед слабым *ъ* — *в* находится и в дериватах названия *Новъгородъ*, как, впрочем, и в форме именительного падежа самого этого названия.

Стечение названных условий, которое, как кажется, и могло явиться фактором удержания билабиального [w], чаще всего наблюдается на конце слова — в окончании Р.мн. *-ов* и формах И.ед. муж. притяжательных прилагательных на *-ов*. Однако в письменных памятниках билабиальное произношение конечного /v/ вообще не находит отражения. Между тем не на конце слова та же позиция встречается лишь в нескольких категориях случаев:

- 1) перед суффиксом *-ък* (*ловъкъи* и др.);
- 2) в сочетаниях слов *внукъ*, *вдова*, *вторыи* и их производных с предлогами, оканчивающимися на *ъ*, *о*, и предлогом *у*;
- 3) в сочетаниях с теми же предлогами отглагольных существительных с приставками *въ-*, *въз-* (*къ востоку*, *съ въздвиженья*);
- 4) в глаголах с сочетаниями приставок *съ-*, *по-* и *въ-*, *въс-* (в старых текстах эта группа представлена в основном глаголом *съвъкупити(ся)*);
- 5) в формах глагола *довѣлти*;
- 6) в составном числительном *полъ вътора*;
- 7) в словоформе *Новъгородъ* и производных — *новъгородьскыи* и *новъгородьць*.

В совокупности эти случаи составляют лишь крайне незначительную долю от общего числа позиций, в которых в памятниках, систематически смешивающих *в* и *у*, наблюдается этот эффект. На этом фоне данные Лавр. I кажутся весьма симптоматичными. Тот факт, что в памятнике, в целом последовательно употребляющем *в* и *у* в соответствии с этимологией, все отступления от этой последовательности оказываются связаны именно с рассматриваемой позицией, едва ли может быть простой случайностью. Важно также заметить, что, помимо дериватов названия Новгоро-

да и сочетания *съ вьнуки*, сформулированным условиям во всей первой части Лавр. удовлетворяют лишь встретившиеся несколько раз сочетания *отъ вьстока* 1об., *10 ко востокомъ* 1об. Что же касается самой словоформы *Новъгородъ*, то ее последовательная запись через *в* легко объяснима. Можно, во-первых, считать, что здесь мы имеем дело с позицией конца слова, где, как уже говорилось, мена *в* и *у* в памятниках вообще не отражается. С другой стороны, билабиальное [w] в форме им.-вин. должно было рано утратиться из-за аналогии с другими падежными формами, где фонетические условия для его сохранения отсутствовали.

Неожиданный результат дает обращение с данной точки зрения ко второй части рукописи, написанной самим Лаврентием. Принято считать, что случаи замены *в* на *у* здесь отсутствуют. Однако на л. 75 (1093) находим написание *съвпрашаються* в следующем контексте: *со слезами отвѣщеваху другъ къ другу глѣюще: азъ бѣхъ сего города, а други: а азъ сея вси; тако съвпрашаються со слъзами родъ свои повѣдающе и въздышюче*. И. И. Срезневский (III, с. 858) выделяет глагол *съвпрашатися* в особую статью, иллюстрируя его употребление, помимо приведенного, также примером из Галичского Евангелия XIII в. В этой рукописи, однако, случаи замены *в* на *у* довольно многочисленны. Другие же примеры в статье отсутствуют. Между тем в древнерусских списках Евангелия (Мстиславова, Юрьевского и др.) неоднократно представлен глагол *съвъпрашатися* (Мт. XVIII. 24, М. VIII. 11, IX. 10, IX. 16, XI. 28, Лук. XXIV. 17). Его находим в данном месте и в других списках «Повести временных лет»: Ипатьевском, Радзивилловском, Московско-Академическом. Источником словоупотребления летописца здесь явно послужил евангельский текст. Поэтому в указанном написании Лавр. 2 есть основания видеть замену *в* на *у*, выступающую как раз в выделенной нами позиции.

Об особом статусе этой позиции косвенно свидетельствуют и некоторые ранние примеры замены *в* на *у* из рукописей южно-русского и новгородского происхождения. В диалектах, в целом характеризовавшихся билабиальным произношением /v/, этот особый статус мог проявляться в приобретении [w] большей sonorности, с чем, вероятно, и было связано его реликтовое сохранение в данной позиции в говорах Ростово-Суздальской Руси, развивших губно-зубное [v]. Так или иначе, кажется далеко не случайным приводимый Соболевским (1907, с. 121) единственный пример замены *в* на *у* в Добриловом Евангелии 1166 г. —

дооульеть (как известно, в древнерусском, в отличие от старославянского, в корне этого глагола был *ъ*, а не *ь*). Выразительный материал дает также первая часть Синодального списка I Новгородской летописи, где замена *ь* на *у* представлена четырьмя примерами, и все они приходятся на рассматриваемую позицию: *полоутора ста* л. 23, *полоуторы тысяче* 18об. (обе формы вин., а не род!), *въ оуторникъ* 107 об., *въ ѡтор(к)* 110. Ср. при этом: *прислаша к нимъ второк послы* 97об. Написание *въ оуторникъ* выступает и в Новгородской Кормчей 1282 г. (л. 522), наряду с двумя уже приведенными *ноу*-формами (другие случаи замены *ь* на *у* в рукописи не засвидетельствованы).

Изложенные факты и соображения позволяют под новым углом зрения взглянуть на употребление *ноу*-форм в московской деловой письменности. Рассматривая слова «новгородец» и «новгородский» как представляющие определенную фонетическую позицию, мы обнаруживаем, что в текстах XV в., из которых выше были приведены примеры *ноу*-форм (сборник ГПБ Q.IV.14, княжеские докончания 1480-х гг.), они являются единственными и представителями данной позиции. Это означает, что, если в указанных фонетических условиях в древнерусских говорах Ростово-Суздальской земли действительно имело место остаточное сохранение билабиального [w], оно, за редкими исключениями вроде *съ оунуки* и *съоупрашаются* в Лавр., могло проявиться лишь в написаниях типа *ноугородци* и *ноугородьскыи*.

Итак, механизм появления и распространения рассмотренных образований в письменности Северо-Восточной Руси может быть реконструирован следующим образом. После того как в восточнославянских диалектах, обособившихся на территории будущей Ростово-Суздальской земли, оформилось, как местная инновация, губно-зубное произношение /v/, билабиальное [w] как рудимент старой системы сохранилось в отдельных позициях, где для этого имелись благоприятные фонетические условия. В парадигме названия Новгорода это были, с одной стороны, форма им.-вин. и производные *новъгородьскыи*, *новъгородьць* (позиция перед слабым *ъ* после лабиализованного гласного), а с другой — форма дат. падежа (позиция перед /u/). В им.-вин. впоследствии установилось по аналогии с другими падежами (кроме дат.) губно-зубное [v]. В форме дат. падежа [w] было по говорам утрачено, а в дериватах сохранилось, пережив падение редуцированных. Таким образом, для позднерусского периода можно предполагать произношение [nougorodu] и [nowgorod'ec'] при нормальном для этой

территории губно-зубном [v] в остальных формах парадигмы. Именно это произношение и отразилось в написаниях *Ноугороду*, *ноугородьци*, *ноугородьскый*, закрепившихся в отдельных писцовых школах как нормативные.

Осталось коснуться дальнейшей судьбы «ноугородцев». С течением времени написания дериватов названия Новгорода с начальным *ноу*- утратили соотнесенность с формой дат. падежа самого названия, которая была выравнена по образцу других словоформ парадигмы. В большинстве названных выше текстов XVI—XVII вв. *ноу*-формы выступают на фоне последовательного употребления «нормальной» формы дат. *Новугороду*⁴.

Другой заслуживающий внимания факт — появление в текстах с конца XV в. наряду с *ноу*-формами вариантов с начальным *нау*-. Наиболее ранний пример встретился в жалованной грамоте 1498 г. волоцкого князя Федора Борисовича (АСЭИ, т. 2, № 417), где находим одновременно *до наугородского рубежа* и *по наугородикой рубе(ж)*. В текстах XVI в. такое чередование становится обычным (см., например, уже упоминавшуюся Опись царского архива 1575—1584 гг.). В значительном количестве *нау*-формы представлены в памятниках московского летописания XVI в., например в Академическом списке Никоновской летописи: *наугородстии людие* (Ник., с. 9, 41), *наугородикии епископъ* (с. 233), *наугородци* (с. 234, 241) и др.

Связь данного варианта с акающим московским произношением несомненна. Однако видеть в нем «простое» проявление аканья было бы после всего сказанного определенным упрощением. В большинстве текстов, знающих систематическое употребление *нау*-форм, они выступают на фоне отсутствия или редкого проявления аканья в других позициях. Таким образом, замена этимологического *о* на *а* носит здесь такой же лексикализованный характер, как и замена *ь* на *у*. Поскольку специальных оснований для закрепления данного явления в качестве нормы не усматривается, оно должно быть поставлено в зависимость от нормативного употребления *ноу*-форм, имеющих, как мы видели, фонетическую природу. Характер этой зависимости не вполне ясен. Неясно также, какое фонетическое содержание стоит в московских текстах XVI в. за общим для двух вариантов *у*: дожило ли до этого времени, как лексикализованное, произношение с губно-губным спيرانтом (что, заметим, совсем не исключено), или же сохраненное традицией написание превратилось в чистую условность, вроде традиционной записи имен типа *Еугении*,

Еустафиу, Еуграфъ. В последнем случае орфографический статус *нау*-форм оказывается весьма противоречив, предполагая стечение в пределах одной морфемы двух противоположных по своей направленности отступлений от фонологического принципа письма: отражения позиционного чередования, с одной стороны, и традиционного написания, нарушающего базисные правила соотношения между буквами и фонемами, — с другой.

Как снятие этого противоречия следует, по-видимому, трактовать последнюю фазу рассмотренной орфографической эволюции: появление в текстах форм с начальным *нав*-: *навгородцы*, *навгородскии*. Разумеется, такая трактовка этих форм уместна лишь применительно к памятникам, в которых они, будучи проведены последовательно, выделяются на общем «неакающем» фоне. Показателен, например, материал Ленинградского списка Никаноровской летописи (конец XVII в.), в котором при относительной малочисленности других примеров аканья свободно и широко варьируются *нау*- и *нав*-формы⁵. Такое варьирование дает основание утверждать, что второй вариант в этой паре, при всей его кажущейся прозрачности, генетически восходит к первому и — через его посредство — к варианту с начальным *ноу*-, с которым внешне имеет так мало общего. Написание, простейшим образом (как фонетическая транскрипция) соотношенное с обозначаемой им фонемной цепочкой, оказывается, таким образом, включено в довольно нетривиальную историко-орфографическую перспективу.

Примечания

¹ Яркий пример такого рода — знаменитое *в апустевшей земли* из записи Сийского евангелия 1339 г. Традиционно рассматривавшееся как древнейший пример аканья, данное написание, как показал А. А. Зализняк, отражает в действительности более специальное явление — особое развитие *ѡ > а* (Зализняк, 1993, с. 262).

² Заметим, что в действительности из этих написаний лишь первое принадлежит рукописи 1282 г., поскольку три других находятся в тексте Устава Святослава Ольговича 1137 г., написанном почерком второй половины XIV в. на дополнительных листах.

³ Эта тенденция наметилась уже в древнерусскую эпоху. В. П. Нерозник (1983, с. 123) приводит как ранний пример «современной» формы написание *Новгорода* из Лавр. под 1209 г. Еще один важный пример находим в Синодальном

списке Новгородской I летописи под 1215 г.: *да не боудеть Новыи Търгъ Новгородомъ ни Новгородъ Тържъскомъ* (л. 83). В этой фразе, помимо совпадающей с современной формой *Новгородомъ*, имеется и еще одно свидетельство морфологической ослабленности первой части названия — пропуск первого *ѡ* в форме им. падежа. На фоне последовательной записи конечного *ѡ* такие примеры (а они, заметим, встречаются в Синодальном списке лишь начиная со статьи 1193 г.) явно указывают на невосприятие первой части названия как самостоятельного слова.

⁴ Впрочем, и в XVI в. еще можно найти употребление *ноу*-форм параллельно с формой *Ноугороду*. Приведем лишь один выразительный пример из Софийской I-й летописи по списку Царского: *и ноугородци отпусти к Ноуугороду, и полонъ от него отъя, елико бяше Ноуугородьские волости* (Соф., с. 44).

⁵ См., например, в короткой статье 6905 г.: *навгородцы* (2ч), *наугородцы* (3х), *навгородцкого* (Никанор., с. 89).

Источники

- ААЭ — Акты, собранные Археографической экспедицией в библиотеках и архивах Российской империи. Т. 1, СПб., 1836.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1—3. М., 1952—1964.
- Вол. — Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М., 1959.
- Воск. — Полное собрание русских летописей. СПб., 1856—1859. Т. 7—8. Воскресенская летопись.
- ГВНП — Грамоты великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- ДАИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией, т. I, СПб., 1846; т. II, СПб., 1846.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950.
- Лавр. — Полное собрание русских летописей. М., 1962, т. 1. Лаврентьевская летопись.
- Ник. — Полное собрание русских летописей. М., 1862. Т. 9. Патриаршая или Никоновская летопись.
- Никанор. — Полное собрание русских летописей. Т. 27. Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV в. М., 1961.
- Павлов — Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. Памятники XI—XV вв. Под ред. А. С. Павлова. 2-е изд. СПб., 1908, с. 22—62.
- Писц. — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., Т. 1—6. 1859—1910.

- Соф. — Полное собрание русских летописей. М., 1995. Т. 39. Софийская первая летопись по списку И. Н. Царского.
- Разр. — Разрядные книги 1475–1598 гг. М., 1966.

Литература

- Будде 1891 — *Е. Ф. Будде*. Из занятий по языку Лаврентьевского списка Начальной летописи // *Филологические записки*, 1891, вып. 3, с. 25–56.
- Зализняк 1993 — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // *В. Л. Янин, А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.
- Котков 1974 — *С. И. Котков*. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974. С. 167–168.
- Лурье 1976 — *Я. С. Лурье*. Общерусские летописи XIV–XV вв. М., 1976.
- Некрасов 1896 — *Н. П. Некрасов*. Заметки о языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку // *Изв. ОРЯС*, 1896, т. 1, с. 832–927.
- Нерознак 1983 — *В. П. Нерознак*. Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 123.
- Образование, 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. По материалам лингвистической географии. М., 1970.
- Русинов 1981 — *Н. Д. Русинов*. К вопросу о происхождении Лаврентьевской летописи (лингвистические заметки о ее писцах) // *Эволюция и предыстория русского языкового строя*. Горький, 1981, с. 3–27.
- Соболевский 1907 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Сундберг 1982 — *Н. Sundberg*. The Novgorod Kabala Books of 1614–1616. Text and commentary. Stockholm, 1982. (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. 14.)
- Филин 1972 — *Ф. П. Филин*. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. М., 1972.
- Черепнин 1950 — *Л. В. Черепнин*. Русские феодальные архивы XIV–XVI вв. Ч. 1. М.; Л., 1950.
- Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Щапов 1978 — *Я. Н. Щапов*. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.